

Знаковые предсказания дидзезиса

Неретина С.С.

Отзыв на книгу Вольф М.Н. Философский поиск: Гераклит и Парменид. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2012. – 381 с.

Первое, на что необходимо обратить внимание, - исследование посвящено анализу древнегреческой терминологии, что случается крайне редко, недавнее принадлежит тоже новосибирскому философу Е.В.Орлову, который провел анализ терминов Аристотеля.

У читающей философской публики имена Гераклита и Парменида связаны не только и не просто с древнегреческой философией, но и с именами М.Хайдеггера, который (вместе с Анаксимандром) считал их отцами-основателями философии бытия. Тем большее внимание обращается к исследованию М.Н.Вольф, проделавшей гигантскую работу по уточнению характера этой философии.

Структурно книга состоит из четырех глав. В первой обсуждается «проблемный подход и рациональность досократических концепций», во второй философские поиски Гераклита и Парменида в контексте поисков архаической и классической Греции, третья и четвертая главы посвящены анализу эпистемологии Гераклита и Парменида. Вольф уже в Предисловии обращает внимание на особое значение словосочетания «путь поиска», «дидзезиса», или «дзетезиса», отличного от привычного словоупотребления «научный метод». Как считает автор, это понятие лишь мельком упоминалось исследователями (Ф.Х.Кессиди, Л.Я.Жмудем), кратко его коснулся А.Ф.Лосев, анализировал Е.В.Орлов провел анализ этого понятия у Аристотеля («Аналитики»), термин *зететик* есть у М.Л.Гаспарова в одном из фрагментов перевода Диогена Лаэртца. Вольф исследует в основном англо-американскую аналитическую литературу, почти не известную русской аудитории, - А.Мурелатоса, П.Керда, Э.Фёгелина, О.Эйкеланда и др., которые специально исследовали понятие дзетезиса, который переводится как «философский или эпистемический поиск» (с.12). Его суть: «это не процесс рассмотрения фактического материала, а, напротив, такой процесс поиска, когда искомое *уже известно*, но утрачено или забыто, или это поиск чего-то в уже известном, уточнение содержания, но такого, которое неявно, имплицитно» (с.17).

Вольф различает термин «философский поиск» технически: дидзезис указывает на раннегреческий, архаический период, а дзетезис – на классический период (с.17). На ее взгляд, с VI в. по IV в. происходит «смена парадигм в понимании осуществления научного знания. Если для VI в. важна парадигма “открытий”», когда «акцент ставится на

то, что открыто и кем открыто, то к IV в. акценты смещаются в сторону того, как это открытие совершалось – на основании исследования или спонтанно». Вольф полагает, что смещение акцентов могло быть связано с появлением идеи прогресса, требующей вначале количественной фиксации, а затем выдвижения способов ее, идеи, сохранения (с.23).

Представляется чрезвычайно существенным для истории философии в целом взгляд Вольф на способы интерпретации текстов. «Сама по себе эта ситуация обычна и нормальна, но опасность кроется там, где эти интерпретации сознательно мировоззренчески или идеологически нагружены, поскольку это ведет к искажению исходных идей исследуемого философа. Разумеется, вероятно, что мы установим сегодня, какой была позиция философа *на самом деле*, крайне ничтожна; но идеологическая или догматическая подоплека интерпретации делает ее нулевой» (с.34). Я бы даже сказала жестче – вслед за Платоном: мы должны решиться идти за мыслью туда, куда бы она ни привела, не упуская при этом из виду собственной мысли, чтобы увидеть ту огромную дистанцию, что пролегла между тою и этой. Проблема эта в современном мире чрезвычайно остра, особенно в связи с новыми переводами Гераклита, интерпретация текстов которого недавно взбаламутила философский мир.

В книге различены филологический, философский и аналитический, вероятно, не менее философский подходы. Филологический «ориентирован на воссоздание контекста сохранившихся фрагментов, содержания или структуры исходного источника, на тщательный (нередко литературный) перевод фрагментов». Философский «подразумевает прочтение досократических текстов *через* идеи современной философии», а аналитический, которого держится автор, это «проблемный подход», реконструирующий «ясную аргументацию, в задачи которой входит обоснование определенных философских положений», «четкое видение проблемы, признание ее постановки философом или, как минимум, имплицитную проблемность текста; внимание к вопросам соотносительности языка и познания» (с.31). Правда, при этом не вполне ясно, как именно философ ставит проблему и он ли ее ставит – достаточно вспомнить яростный спор по этому поводу Витгенштейна и Поппера, книгу которого «Мир Парменида», кстати, почему-то не анализирует автор, не упомянув ее даже в списке литературы (между тем 7 глава этой книги была переведена и опубликована Н.Ф.Овчинниковым в ВИИЕТ, а затем переопубликована в он-лайн-журнале «Vox. Философский журнал»). Когда утверждается, что «любая философская проблема существует всегда внутри определенного проблемного поля» (с.41), то это не объяснение того, что такое проблема, которую можно, оказывается, четко или нечетко формулировать, выявлять содержание и уточнять формулировку. Кто полагает критерий правильности и где проходит демаркация «критериев истины»? Признание «вечности философских проблем

и целого веера их разнообразных решений» лишь усиливает значение «критерия истины». Ибо разве нельзя повсюду – особенно если следовать традиции – найти общие проблемы, которые на деле *не те*? Августин говорил: в раю, не исключено, мы встретим не тех, кого ожидали встретить... Лишь в том начале философии, к которому мы всегда идем, если решились идти за мыслью, с конца, можно обнаружить тавтологию. Но ведь надо дойти! Но сколько страниц посвятила Вольф самому пониманию проблемы, чтобы в конце концов утверждать то, «что ядром всей греческой философии являются проблемы *уже намеченные* (курсив мой. – С.Н.) и поставленные в досократической философии» (с.50).

В качестве обоснования рационального характера досократических концепций (эти и другие обоснования в книге чрезвычайно интересны), Вольф обращает внимание на такие слова, являющиеся логическими связками, как «ибо», «ведь», «же», «итак», «поэтому», «но», «конечно», «действительно», «в самом деле» и т.п. «Особенностью раннегреческих текстов оказывается и то, - подчеркивает исследователь, - что не обязательно компоненты рассуждения могут быть составлены в цельное последовательное рассуждение; часто о том, что то или иное высказывание является частью рассуждения, позволяют судить только приведенные выше слова, выполняющие роль индикаторов логической зависимости не только внутри одного предложения, но и между разными высказываниями» (с.63). Все эти наблюдения создают особую корректность выводов и самой Вольф, которая выделяет несколько типов древнегреческой аргументации – например, аналогию (специально не рассматриваемую) и полярность (дихотомия, диайресис и др.), приводя чрезвычайно интересные примеры, подчас снимающие самую полярность.

Особый интерес вызывает параграф главы II об интерпретации знаков. Сам термин знак (сема), этимология которого неясна, «но его часто возводят к индоевропейским аналогам», восходящим к словам, связанным с мышлением (с.76). В классической философии потому роль посредника между знаком и мышлением выполняет Нус. А потому «любой знак – если он воспринимается *как знак* – мгновенно запускает ментальную активность» (с.76). Само же слово «нус» означает «возвращение к свету и жизни». В этом аспекте рассматривается путешествие Одиссея, «у Гомера путь домой зависит, прежде всего, от поиска пути» (с.78). В этом смысле оказываются важны предсказательные, прорицательные, толковательные и свидетельские практики, поскольку они помогают распознаванию пути. Знак, в понимании Вольф, может быть естественным, позволяя привести доказательство, переводя скрытое в явленное, а может прямо указывать на значение, «ассоциируясь со словами и языком» и поднимая проблему, «было ли значение слова предметом договоренности или имеются такие естественные стандарты соответствия между словом и его значением, что некоторое

слово подходит для обозначения предмета наилучшим образом» (с.86). В отношении знаков между гомеровской Грецией и «философской» произошли изменения: в первой знаки полагались божественными и толковались вначале индивидуально, а затем коллективно и непрофессионально, во второй знаки понимались философами широко, за ними не обязательно стоит божество, но любое скрытое нечто, неведомые естественные явления или умозрительные положения.

Анализируя проблему поиска у Гераклита (в третьей главе) Вольф полагает понятия «нус», «дидзесис» и «матезис» интеллектуальными способностями. Нус Гераклита опирается на общее (мудрость), опираясь на нечто одно в объяснении многого. Но нус – только основание, к знанию он может привести только при определенных условиях. Критерием проверки и может служить общее (с.246). Это, кстати, то, о чем говорил В.В.Бибихин в своем толковании текста Гераклита, на что нет ссылки в книге Вольф. Нус к тому же может интуитивно «схватить» вещь. В противоположность нусической практике познания матезис не дается «вдруг», а требует направленного, рационального усилия (с.252). если нус направлен на вещь и ограничен только собственными познавательными возможностями, то матезис показывает, что только сама вещь ограничивает свое познание. Матезис – «это объект-субъектное отношение», а нус – «субъект-объектное отношение» (с. 257). В целом соглашаясь с направленностью познавательных практик, описанных Вольф, все-таки считаю нужным отметить необходимость анализа самих терминов «субъект» и «объект», возможность их применимости к философии Гераклита.

Четвертая глава посвящена «пониманию философского поиска у Парменида как анализа природы ошибок познания» (с. 265). Анализируя способы употребления глагола «есть» (опираясь на огромный англоязычный материал и полагая в качестве возможных употребление этого глагола как экзистенциального, предикативного или связки) и критикуя практику подстановки субъекта «бытия», позволяющую составлять тавтологию «бытие есть, небытия – нет» (с.277), Вольф считает справедливыми все три способа употребления глагола есть, подчеркивая, что Парменид показал «кризис “путей исследования” – необходимого и единственного “пути *есть*”, и невозможного – “не есть” – еще не сам путь, это начала пути, та отправная точка, с которой начинается собственно путь исследования» (с.305). это-то и заставило Шрёдингера, не учтенного в книге, воскликнуть: «Здесь-то и начинается самое интересное!»

«Единственным типом предикатов, - пишет исследователь, - не нарушающим требования экзистенциальных суждений, будет тот, который принципиально не определен, и под такие предикаты подпадают все знаки сущего: единое, целое, однородное т.п. В данном случае “принципиальная неопределенность” означает, что определить такое понятие можно в первую очередь только через его иное, как через

отрицание этого самого понятия, либо через само-предикацию. Поскольку имеется запрет на негативные суждения и негативные характеристики, тогда единственным подлинным предикатом может быть только “существующее”. Этим проблем можно избежать только в том случае, если глаголу “быть” в данном контексте приписать копулятивный смысл и использовать его исключительно в качестве служебного глагола. Очевидно, что данная трактовка полностью исключает описание подобным языком феноменального мира. В таком случае, требование приложения экзистенциального смысла к учению Парменида исключает и всякое его космологическое содержание, и следствием такой интерпретации будет вывод, что Парменид в принципе не мог сформулировать *доксу* как отдельный и самостоятельный космологический раздел учения» (с.304 – 305). В книге «Произведение – текст – произведение» я писала о единстве двух путей познания.

Естественно поэтому, что «дидзесис» «у Парменида связан со знаками, без которых его невозможно пройти», ибо «эти знаки должны быть такими, чтобы не указывать ни на что феноменальное или чувственно воспринимаемое, а прилагаться только к “быть”, к универсальной характеристике, противопоставленной не-сущему». Поскольку эти знаки, как считает Вольф, ссылаясь на теорию знаков Гераклита, «противоположны характеристикам чувственно-воспринимаемых вещей космоса» (с.310), то путем выведения знаков является следующий: «установить те свойства, которые наилучшим образом характеризуют феноменальный мир, и взять обратные им характеристики не-феноменального сущего» (с.311). Правда, как отмечает Вольф, этот метод применим лишь в случае, если считать рациональным учение Парменида. Иначе его можно считать пророком, выполняющим не столько философскую работу, сколько религиозную, даже «религиозную реформу». Основанием для признания учения Парменида рациональным Вольф считает, что как религиозную реформу «эту поэму не рассматривали даже древние авторы» (с.311). Основание, однако, не кажется основательным. Слово «религиозный» может быть и не точным, а вот быть создателем мифа, мудрецом (Вольф говорила об отождествлении нуса и мудрости, мудрого существа и Зевса, анализируя Гераклита), он вполне мог считаться. Сам он не называет себя философом. Да и философы не всегда опирались на рациональное, ссылаясь на практику мифа.

Как бы то ни было, «дидзесис как путь познания истины осуществляется *нусом* только с опорой на знаки, и в учении Парменида это – *знаки сущего* (вопрос: каковы *знаки* не сущего? С этого вопроса фактически начинается диалог Августина «Об учителе». – С.Н.), которые представляют собой послышки доказательства, развернутый *эленхос*, довод, подтверждающий истинность того, что исследуется» (с. 345).

Интереснейшая книга Вольф может быть рекомендована всем философски настроенным и ценящим философский настрой людям.